

УДК 083

DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-28-38

Стиль современной западной публицистики как предмет научного изучения (на материале статей и эссе Дж. Барнса и Д. Рейфилда)

Хорольский В.В.

Воронежский государственный университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Khorolbox@mail.ru

Аннотация. Анализ стиля и языка текстов считается фундаментом и магистральным направлением герменевтики и филологии, что на каждом историческом этапе развития гуманитаристики делает проблематику данного исследования неизбежно актуальной, несмотря на постоянный поток научных публикаций на эту тему. Целью нашего исследования стала характеристика целеполагающих языковых установок англоязычных авторов Дж. Барнса и Д. Рейфилда, анализ их иронического стиля, взятого в контексте эволюции постмодернистской эстетической игры. В результате выявлена функция голоса нарратора, фокусирующего политический и этический ландшафт Англии, сделаны выводы о необходимости использования наработок медиалингвистики при создании общей теории дискурсного анализа. Впервые рассмотрены некоторые новые аспекты толкования стилевых особенностей медийных текстов, в частности выявлены маркеры основного тона и «голоса» автора-повествователя в текстах Дж. Барнса и Д. Рейфилда, не всегда совпадающие с интонационным строем речи диегетического нарратора.

Ключевые слова: медийный текст, медийный дискурс, стиль, эссеизм, методология анализа текста.

Для цитирования: Хорольский В.В. 2021. Стиль современной западной публицистики как предмет научного изучения (на материале статей и эссе Дж. Барнса и Д. Рейфилда) Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 28–38. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-28-38

Style of contemporary Western public writing as the object of scientific scrutiny (after J. Barnes' s and D. Rayfield's articles and essays)

Viktor V. Khorolsky

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394006, Russian Federation
E-mail: Khorolbox@mail.ru

Abstract. Style and language analysis is considered to be the basis and the main trend of hermeneutics and philology, and due to the novelty of every historical turn in Humanities it makes the problems of this article ever-constantly new and relevant. The aim of the article was to characterize teleological linguistic inclinations of J. Barnes and D. Rayfield, narrative style of these authors and their irony connected with postmodern aesthetic play. The results: The conclusions are drawn about necessity of combining achievements of mass media theory and media linguistics for the sake of creating meta-theory of discourse analysis. The article deals with some new aspects of media texts style scrutiny, including markers of author-storyteller's main tone and "voice" differing from the voice of diegetic narrator in J. Barnes' s and D. Rayfield's articles and essays.

Key words: media text, media discourse, style, essays, methodology of text analysis.

For citation: Khorolsky V.V. 2021. Style of contemporary Western public writing as the object of scientific scrutiny (after J. Barnes' s and D. Rayfield's articles and essays). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (1): 28–38 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-28-38

Введение

Изучение стиля и языка медийных текстов (МТ), особенно так называемых культурологических публицистических текстов, отражающих бытие и восприятие художественно-эстетических ценностей, считается магистралью нескольких отраслей гуманитарных наук: дискуртологии, медиалингвистики, медиалогии, лингвостилистики и других. Влияние общей лингвистики в этом случае очень велико, но языковые особенности текстов не исчерпывают их художественности, тем более – медийности. Разграничение терминологических и функциональных векторов в стилевых регистрах МТ всегда было актуально, а новая методология анализа МТ, основанная на синтезе множества наук и разрабатываемая в России сравнительно не так интенсивно, как требует ситуация, требует обращения к опыту прошлого, чтобы с водой методических новаций не был выброшен «ребенок», рожденный классикой герменевтики.

Много значимых работ было посвящено изучению языка и стиля художественных текстов (ХТ) и публицистических текстов (ПТ), в том числе и созданных западными авторами [Лосев, 1977; Jucker, 1992; Кожемякин, 2018; Полонский, 2018]. Однако поток научных исследований не всегда может догнать журналистскую практику, особенно в эпоху Интернета. И научные критерии, и методика преподавания литературы в вузе, и процессы медиатизации в искусстве – всё это диктует новые законы познания и обсуждения МТ, что не отменяет универсальные законы познания мира по принципу дополнительности, с учетом диалектического единства новации и традиции. Столкновение традиционного и нового в науке о стиле также соответствует законам диалектики.

Необходимость постоянной переоценки методологических подходов и уточнения смысла художественно-эстетических и сложноорганизованных аналитических МТ, необходимость обновления терминосистемы при анализе медийных дискурсов (МД) в цифровую эпоху стала особенно очевидной в информационном («информационном», согласно М. Кастельсу) обществе [Хорольский, 2019, с. 24; Vuković, 2001; Couldry, 2010], где конвергенция жанров, стилей, форматов трансляции текстов привела к формированию феномена мультимедийности, что поменяло и формы многих традиционных МТ. Конвергенция жанров и стилей, возрастание роли гедонистической составляющей массовых коммуникаций, запрос студентов на использование «геймификации», визуализации и «эдьютейнмента» [Казак, 2010; McMahon, 2021] подтолкнули многих авторов к изучению постмодернистской техники привлечения внимания аудитории. Как известно, постмодернисты постоянно подчеркивали свою неприязнь по отношению к элитарным построениям эпохи модерна, отрицали метатеории и серьезно-патетические дискурсы, противопоставляя им тотальную иронию, реминисцентность и теории релятивизации ценностей, что импонировало широкой публике. Воспитанная на законах массового медиапотребления западная публика увидела родство привычной массовой культуры и продукта более интеллектуальных авторов-постмодернистов, осмеивающих данную культуру в сатирических эссе, иронически изображающих и масскульт, и потребителей духовного «фастфуда», и себя как творцов-пересмешников, пишущих для массовой неангажированной аудитории. Но в то же время это был еще один шаг навстречу обычным людям, которым некогда читать М. Пруста, Т. Манна или М. Бахтина. Как верно подметила Е. Варганова, «антропологический поворот» коснулся и отечественных медиаисследований, в которых изучение аудитории... стало более популярным» [Варганова, 2019, с. 8]. Усиление позиций медиа-

критиков и аналитиков МД, знакомых с проблемой таргетирования аудитории, исследователи справедливо связывают с усилением в социуме «мягкой силы» в управлении обществом: убеждать целесообразнее, чем приказывать и наказывать. Медийные дискурсы меняют ориентиры масс.

Исследователь А.В. Полонский так описывает базовые целевые задания дискурса массмедиа на современном этапе: «Опознание текущей социальной действительности..., информационно-мировоззренческое сопровождение жизни и деятельности человека... дискурс масс-медиа – механизм оперативного социально-когнитивного и ценностно-идеологического регулирования» [Полонский, 2018, с. 210]. Дискурс как совокупность текстов определенной тематико-смысловой направленности стал более ходовым термином, нежели дискурс как текст, погруженный в пространство культуры и являющийся квантом коммуникации и/или когниции. Орудием регулирования отношений в социуме часто выступают СМИ, СМК, пропагандистские акции и т.д., причем особенно значительный медиа-эффект демонстрируют те ПТ, которые тяготеют к художественности стиля. Другой ученый, говоря о методологии научного познания МТ и МД, констатировал, что сегодня важно внедрить в терминосистему медиалогии и детализировать понятие «конструктивизма», имея в виду «какая действительность создается текстами масс-медиа..., как (выделено нами. – В.Х.) текст становится действительностью» [Кожемякин, 2018, с. 161]. Иными словами, журналистика всегда и справедливо обращала первоочередное внимание на содержание (контент), а вопрос «как» оставался на периферии анализа МТ, что мешало ответить на вопрос «как текст становится реальностью психофизиологической жизни человека». Процесс восприятия подчас редуцировался к пониманию смысла как фабулы нарратива, а эмоциональное «прочувствование» и форма высказывания в МД и МТ оставалась на втором месте.

Запрос на формальную игру с читателем и игру в эстетическую игру с критикой вызвал к жизни новое обращение к приемам писателей, склонных к конструированию «фикциональной», домысливаемой или вовсе вымышленной реальности в МТ. Это парадоксальный феномен неомодернизма и постмодернизма в журналистике, реанимирующий традиции мифологизации обыденности. Мир, созданный авторами МТ с помощью нарративов и мифов, где «фактуальность» каждодневного опыта, подобие истинной картины мира, был нередко симулякром, копией копии обычного (фактуального) мира. Искажение научной и адекватной картины мира в СМИ порождает вымысел, что нормально и допустимо в ХТ, где критериями качества являются в первую очередь образность и эстетическое содержание, часто зависящее напрямую от стиля повествования. Еще в позапрошлом веке К. Маркс, отталкиваясь от гегелевских «Лекций по эстетике», верно писал о воплощении в стиле сути художественного мышления, формы, «...составляющей духовную индивидуальность» [Маркс, Энгельс, 1955–1974, с. 304], внутренний мир личности.

Выдающийся французский ученый-просветитель Ж.-Л. Бюффон в своем «Рассуждении о стиле» говорил, что «стиль – это и есть человек»¹. В журналистике это далеко не всегда так. Когда мы анализируем стиль МД в журналистике, на первый план выступает не личное мнение, не образность, а стиль наррации о конкретных реальных событиях на аргументации, основанной на документе, робастности цифр и доверии к свидетелям события. Стиль в публицистике – это и человек, и коллектив, и эпоха. Филолог и философ Ж.-Л. Бюффон метко подметил, что темы, факты и аргументы могут быть у пишущих одни и те же, но их трактовка, авторские интонации, видение – разными. Всё это так, постулат древний, известный и в эпоху античности, но новые трактовки старой идеи о зависимости манеры письма от характера и психологии личности встречаются и сегодня неред-

¹ Buffon J.-L. 1954. Discourse sur le style. Oeuvres philosophiques de Buffon. Paris, 504 p. (с. 496)

ко, более того, они, традиционные методы психологизма и биографизма, также по-своему бесспорны и работают. Другое дело, когда наблюдается абсолютизация теоретических постулатов или примет индивидуального стиля, что ведет к фетишизации даже верных установок, например, к преувеличению роли социологизма или психологизма, о чем много лет назад писал А. Лосев, пробиваясь сквозь напластования «человеческого, слишком человеческого» (Ф. Ницше) в герменевтике. Спор в те годы шел о важности изучения формы высказывания, о сути индивидуального таланта, традиции и массовой рецепции. А.Ф. Лосев [1977], рассматривая теории стиля в искусстве, упомянул работу швейцарского исследователя А. Морье «Психология стилей», в которой стиль соединен с понятиями нравов, со способами национального бытия, с темпераментом личности. Психолог А. Морье скрупулезно типологизировал стили, принимая во внимание психофизиологические особенности их создателей, что вызвало справедливые нарекания. Но и отбрасывать данный фактор нельзя, вся проблема – в формулировании закона внутренней меры, баланса разнородных элементов в системе целого, в органике любого текста. Пока попытки сформулировать такой закон, на наш взгляд, особых успехов не имели. А. Лосев сглаживает очевидные издержки позитивистских теорий Морье, Ж.-Л. Бюффона и других ученых, ориентирующихся на психологию или естественные науки. У самого А.Ф. Лосева термин «выражение», т.е. репрезентация действительности в тексте, служит именно установлению внутренней меры вещей в стиле, установлению динамического равновесия и «баланса интересов» формы и содержания. «Выражение» (воплощение) понимается как «слияние внутреннего и внешнего», как «диалектический синтез субъекта и объекта» [Лосев, 1977, с. 240]. Тем более эта поправка при рассмотрении классических теорий стиля важна, если мы вспомним, что индивидуальный стиль не перечеркивает стиль направления и эпохи, но дополняет его крупицей личного опыта любого автора. В литературе индивидуальное субъективное воображение определяет образ и стиль в ХТ, а для аналитика в сфере массовых коммуникаций важнее адекватное отражение объективного коллективного опыта, взятого в ракурсе «незастывшей современности» (М. Бахтин) и задокументированного дискурса. Баланс объективного и субъективного в речевых актах нарраторов в МТ и ХТ разная. Указанная лосевская идея, не привлекая еще должного внимания современных ученых, при рассмотрении классических теорий стиля еще более релевантна, когда мы анализируем индивидуальный стиль публициста, который никак не перечеркивает стиль направления и эпохи, но дополняет и обновляет его.

Естественно, нельзя сводить усилия создателей текстов только к их манере выражать свои мысли. Стиль отражает не только склад ума и эмоции творцов. В сетевых текстах, особенно в эпоху Постмодерна, все активнее проявляется тенденция к коллективному сотворчеству, анонимность которого заставляет вспомнить о фольклоре, особенно о стиле анекдота, лапидарного сообщения. Однако эстетическая составляющая МТ и МД стала вновь предметом пристального внимания ученых именно сегодня, когда политический «содержанизм» и мета-истории, связанные с монологичными стратегиями управления обществом, потерпели историческое фиаско.

Объекты и методы исследования

Метод исследования, который нам видится как адекватный при анализе стиля в культурологической публицистике в жанре «нон-фикшн», можно в рабочем порядке определить как *информационно-культурологический*, предполагающий в нашем случае выявление доминанты стиля наррации, прежде всего основного тона и «голоса» автора-повествователя. Важен при таком подходе к стилю и языку МТ регистр речи рассказчика и персонажей, эксплицирующий эстетическую природу «события рассказывания», как его понимают последователи М. Бахтина. В старой проблеме разграничения голосов автора и нарратора, уточняющего процедуры, цели и методы стилистического анализа в условиях

релятивизации научно-гуманитарных задач вузовского обучения, есть и совсем новые повороты и «выверты», порожденные эпохой смены и подмены образа традиционного автора-демиурга образом (имиджем) нарратора, подмены индивидуального творца коллективным, чаще всего сетевым «аффттаром», который «жжот» и ёрничает даже там, где надо держать паузу.

Автор-демиург в МТ близок автору биографическому, может выступать в роли участника событий, который не только фиксирует события, но и меняет их, нарушая семантические границы. В таком случае он может характеризоваться как диегетический нарратор, один из «голосов» события рассказывания и актер, повлиявший на ход событий. В МТ можно выделить две базовых инстанции сатирического говорения: прямая критика негативных явлений и скрытая подтекстовая ирония, как правило, подкрепляемая интонационной импликацией. Умолчание и паузация, когда между различными смысловыми квантами зияет пропасть всеми ощущаемого намеренного молчания, когда на фоне заявленной откровенности и предписываемой информационной активности коммуникаторов вдруг возникает неловкая заминка, свидетельствует о том, что нарратором использована фигура умолчания как стилистический маркер, предполагающий взаимопонимание автора и аудитории, как фигура, несущая значительную стилевую нагрузку.

В англо-американской «новой критике» наррация воспринималась в первую очередь как самодостаточное слово и сюжетотворческая практика, как практика художников, создающих собственную картину мира и свой стиль «говорения» о мире. Нарратив в публицистическом тексте (дискурсе) отличается от художественного дискурса наличием авторской воли к четкому финальному выводу, к медиаэффекту, предполагающему нужный отклик реципиента, который уже предусмотрен (инципирован) в авторском целеполагании, в идеальной картине «обратной связи». Распад старых форм общения под напором робототехники и искусственного интеллекта, помогающего журналистам создавать МТ, тоже нельзя сбрасывать со счетов. Нельзя, естественно, думать, что стиль МТ – дело только индивидуальное, факультативное и субъективное. Машинный стиль, поточным методом синтезирующий массовый медиапродукт и любые другие виды и стили МД, тоже существует. Но до органической целостности ХТ дискурсу в новостном потоке, созданном роботом, еще далеко.

Есть еще один методологический аспект в затронутой выше проблеме. Находящийся в становлении информационно-культурологический подход к стилю МТ базируется на идеях отечественных ученых, опирающихся на труды М. Бахтина, А. Лосева, Ю. Лотмана, хотя теоретиков такого масштаба в рядах исследователей медиа пока нет. Ясно, что методологический подход к МД у науки о СМИ иной, чем, допустим, подход литературоведов и культурологов к ХТ. Напрашивается простая метафора: если мы делаем салат или винегрет, то компоненты могут легко угадываться: картофель, морковь, горошек, даже перемешанные со сметаной, хорошо видны. Однако если взять большой миксер, перемолоть наш винегрет и сделать из него однородную пасту – то горошек уже не виден, хотя и ощутим на вкус. То же самое и с проблемой стилевой органичности текста: обычно это «паста», где о разграничении компонентов говорить крайне трудно. Мозг человека создает нужные ассоциации, а стиль их пока имитирует.

Изучение стиля МТ – это не только классификация языковых явлений, метафор или прецедентных текстов, но и поиск смысловой магистрали построения целого в его контекстуальной эстетической завершенности. Художественность, будучи категорией, тесно связанной с понятием стилевого совершенства, подразумевает, говоря словами А.Ф. Лосева, «эстетическую предметность живой пропорциональности» [1977, с. 249], или говоря языком литературоведов конца прошлого века, стиль произведения отражает органическую целостность и системность текста, гармонию пропорций и интонаций, выбор оптимальных решений для воплощения взаимосвязи элементов в ХТ и МТ [Хорольский, Петрушова, 2020]. Ниже речь пойдет о ПТ Дж. Барнса и Д. Рейфилда, реализовавших

многие теоретические положения постмодернизма в интересных документальных историях, обогативших мировую сферу «нон-фикшн».

Результаты и их обсуждение

Выдающимися представителями англоязычной публицистики, ориентированной на постмодернистскую чувствительность (*postmodernsensitivity*), с уверенностью можно назвать Джулиана Барнса и Дональда Рейффилда. Для многих исследователей постмодернистский стиль Дж. Барнса и Д. Рейффилда – это пример сложности анализа МТ, связанный с проблемой учебно-научного анализа чужого слова в целом. Но речь идет и об умении этих авторов с помощью подтекстовых импликаций и интонационного намека передать свое отношение к событию или явлению жизни. Джулиан Патрик Барнс считается представителем «писательской публицистики», в конце XX века он в своих эссе и статьях часто рассуждал о культуре и политике. Его проза и публицистика по праву считаются выдающимся достижением английской словесности [Барнс, 2005; Барнс, 2008]. Барнсовский иронический стиль коррелирует с игровым методом воссоздания облика своей страны, других стран мира, особенно США и России. Работая политическим обозревателем в элитно-информационном американском журнале «Нью-Йоркер», он привык к жесткости и оперативности нарративов о текущей жизни, к стилю доказуемых фактов и выверенных комментариев, о чем свидетельствует следующая цитата:

«Писать для журнала "Нью-Йоркер" означает – повезло так повезло подвергаться редактуре, бесконечно цивилизованный, радательный и благотворный процесс, который откровенно сводит тебя с ума. Это начинается в приснопамятном – не всегда с нежностью – департаменте, известном как "полиция стиля". Это суровые пуритане, которые разглядывают твои фразы и, вместо того чтобы увидеть в них, как ты сам, счастливую смесь правды, благолепия, ритма и остроумия, обнаруживают исключительно никчемные руины поверженной грамматики. Плотно стиснув губы, они делают все возможное, чтобы защитить тебя от тебя же. Ты издаешь сдавленные хрипы протеста и пытаешься восстановить свой первоначальный текст. Приходит новый набор гранок, и иногда тебе милостиво дозволяется единственная небрежность; но рано радоваться – одновременно ты обнаруживаешь, что они исправили другой грамматический недогляд» [Барнс, 2008, с. 9].

Эта цитата показательна как пример эссеизма, иронической манеры Барнса – сотрудника американского журнала, требовательного к авторам. Раскрытию природы метафорической стилистики эссе способствует символика явной когнитивной направленности. Словосочетания вроде *wreckage of capsized grammar* (никчемные руины поверженной грамматики) детализируют описание будничной жизни редакции, где цензура – это «бесконечно цивилизованный, радательный и благотворный процесс». Но тут же по контрасту с мягкой иронией эпитетов, следует саркастическое и пространное описание «кухни» журнала, где работает «полиция стиля». В самой эмоциональной номинации очевиден сарказм автора-мемуариста. Контраст внешнего и внутреннего голосов (антитегическая вокализация) составляет базу иронических воспоминаний Барнса о работе журналистом, двуплановость наррации и подтекст обуславливают стилевую дихотомию авторской позиции и критической рецепции корректоров-цензоров. Незлобивая насмешка автора-повествователя, данная в предисловии к книге «Письма из Лондона», служит камертоном в процессе сопоставления позиций англичанина и американцев: «Ты издаешь сдавленные хрипы протеста и пытаешься восстановить свой первоначальный текст». Не тут-то было: ребята из редакции своё дело знают. Вот пример их позиции:

«После того, как твою статью подкорнали и подзавили (не всегда гладкий процесс: иногда тебе кидают обратно сущего пуделя), она доставляется в отдел проверки информации The New Yorker. Фактчекеры – люди молодые, бдительные, безупречно веж-

ливые и на редкость упертые. Они выколачивают из тебя всю душу, а потом спасают твою задницу. Также они подозрительно относятся к обобщениям и риторическим преувеличениям и предпочли бы, чтобы последнее предложение выглядело так: "Они выколачивают из тебя четверть души и в 17,34 процента случаев спасают твою задницу". Давать показания под присягой перед судом – это пустяки по сравнению с тем, чтобы предстать перед отделом проверки из New Yorker'a. Им наплевать, кому позвонить, чтобы удовлетворить свою страсть к блохоискательству. Они переспрашивают тебя, твоих информаторов, сверяются со своей компьютеризированной системой информации, с непредвзятыми экспертами; они наводят справки очно и заочно. Когда я интервьюировал Тони Блэра в Палате общин, на меня произвели впечатление элегантные дверные петли в зале Теневого Кабинета. Мой Певзнеровский гид сообщил мне, что они принадлежат Пуджину или, точнее, "Огастесу У.Н. Пуджину". Певзнер утверждает: "Не рискуя ошибиться, мы можем сказать, что он разработал дизайн всех металлических деталей, витражей, плитки и так далее, вплоть до фурнитуры дверей, чернильниц, вешалок и проч.". Затаив дыхание — проглотит ли отдел проверки фразу "не рискуя ошибиться", я приписал в своей статье эти петли "Огастесу Пуджину" и принялся ждать звонка фактчекера по этой и смежным темам. "Могли бы мы убрать слово "Огастес", чтобы не перепутать его с его отцом?", — раздался первый выстрел. Да, пожалуйста, о чем речь: я написал "Огастес Пуджин" исключительно из тех соображений, что, как мне казалось, американцы предпочитают говорить "Джон Мильтон" вместо "Мильтон" (правда состоит еще и в том, что я не подозревал, что у Пуджина был отец, не говоря уже о том, что мое сокрытие инициалов спровоцирует генеалогическую катастрофу)» [Барнс, 2008, с. 8].

В словах автора о тяге редакторов к точности и достоверности есть элемент иронической гиперболизации, что не противоречит жанру этической сатирической зарисовки. Маркеры стиля в данном отрывке – это ключевые лексемы и образы типа страсть к блохоискательству, спасают твою задницу, мое сокрытие инициалов спровоцирует генеалогическую катастрофу, которые говорят о наличии подтекста, усиливаемого интонационным строем высказывания. Основной тон нарратора, сливаясь с грубоватой лексикой, снижающей планку редакторских запросов, делает размышление о пребывании биографического автора в статусе журналиста неизбежно комическим. Сопоставление подстриженного текста с пуделем призвано подчеркнуть не всегда удачную правку, намекнуть в подтексте на принципиальную мысль, что критики не всегда превосходят авторов в литературном чутье. Эссеизм Дж. Барнса и Д. Рейфилда как игровая манера повествования и стилевая доминанта, соединяясь с пафосностью «ризомы», символа постмодернистской чувствительности, с сатирическим модусом нарратива, диктует стратегию интерпретации стиля названных авторов именно как «винегретного» (хотя и системно организованного), а не «пастового» (или органичного) стиля, что вполне соответствует трендам эпохи Постмодерна. Обоих публицистов роднит идеал целостности видения мира, но их публицистика далека от органичности стиля, скажем, Э. Хемингуэя или Ф.С. Фитцджеральда [Хорольский, 2020], для которых историческое видение всей эпохи было принципиально. Стилевой регистр современных авторов чаще всего игровой и насмешливый. Например, Барнс с сарказмом говорит о таком странном явлении, как «пушная форель» (furbearing trout). Эту рыбу якобы выловили на Севере, где вода крайне холодная, поэтому форель обрастает пухом. Подобные симулякры и фейки, кочующие в массмедиа, Дж. Барнс делает символом национальной жизни, культивирующей удобные мифы и странности англосаксонского менталитета. Таков и образ-символ якобы украденных Ронни Брауном, «депутатом-ТВ» (так и назван очерк Барнса) трусов депутатской любовницы, изменившей Ронни с ковроторговцем, который вступил в драку с депутатом. Кража, а точнее унесенное по ошибке бельё любовницы, подавшей в суд на депутата Ронни как на грабителя, стала «рыбной историей», мифом, а образ нахрапистого политика и интимного друга секретарши Нонны, которая, как

и Моника Левински, стала в Великобритании конца прошлого века мемом, стал в свою очередь знаком духовного нездоровья элиты. Дело о трусах Нонны «живо обсуждалось в прессе не один месяц», что и говорит о постмодернистской составляющей стиля МТ.

В «Заметках об Англии» Дональда Рейффилда [1994], как и в ПТ Дж. Барнса, иронически воссозданы мораль среднего класса, нравы «доброй старой Англии», стереотипы людского поведения. Лишенный и намек на гротеск и фантастику стиль бытописателя обычно базируется на контрасте серьезного тона и смешной мелочности фабулы. Например, такая зарисовка о посещении рассказчиком аристократического замка: «Гость богатого лорда с трудом жует странные, скудные, полухолодные блюда при тусклом освещении и в почти безмолвной компании; дети хозяев упрятаны от гостя в каком-то отдаленном флигеле; в средневековой ванной он напрасно ждет горячей воды и всю ночь страдает от бессонницы: дует из окон, на крыше ухают сычи и филины, и крысы снуют по чердаку, опрокидывая заброшенную мебель» [Рейффилд, с. 229]. Перечислительная интонация служит маркером косвенной иронии, высвечивающей детали деградации британской элиты. Точно также сравнительно бесстрастное наукоподобное описание пауков становится символом лицемерия англичан: паук вместо льва становится в «Заметках ...» национальным символом (любовь к родному гнезду, матриархат, нелюдность, молчаливость, трудолюбие – чем паук не англичанин?) [Рейффилд, с. 230]. Рейффилд пускается в многословный и, казалось бы, необязательный разговор о пауках, но в его подробнейших рассуждениях наррация не теряет подспудный смысл МТ: есть и тут интонационный намек на более серьезные вещи. Англичанин Рейффилд, как и его соотечественники Дж. Фаулз, П. Акройд, Д. Лодж, Дж. Барнс, эксплицирует свой явный интерес к сопоставлению научного взгляда на мир с картиной постмодернистского абсурда, выступая в роли диегетического автора в условном мире домысливаемой реальности прошлого и настоящего, что делает релевантным его упор на интонации сарказма в отображении национального менталитета.

Деконструируя национальные мифы, автор в «Заметках об Англии» часто размышляет о литературе и искусстве как панацее от излишнего пессимизма, от тотальной иронии своих современников. Его стиль пересмешника не чужд пафосности. Стиль МТ, как известно, создается не только интонационным строем текста, но и структурой эмоций творцов и их персонажей. В то же время выводы в МТ английских авторов продиктованы не только волей автора-пропагандиста гуманизма и правды, но и самим ходом жизненного сюжета, разочарованием таргетированной аудитории в мифе о превосходстве англосаксов. Подчас саморазвитие идеи, не нуждающейся в прямолинейной оценке автора, приводит читателя к правильному пониманию авторского намека. В этом и проявляется, на наш взгляд, логика взаимодействия МТ и ХТ при характеристике потока обыденной жизни.

Заключение

Рассмотрение проблемы языка и стиля авторов, которых волнует способ языковой репрезентации образа мира в СМИ, специфика вербального выражения (презентации) идей в МТ, дает основание для следующих выводов.

1. Теоретическая рефлексия в сознании обычного носителя стиля не системна. Авторы, как правило, используют ресурсы естественной речи, факты повседневной жизни, делая их частью жанрово-стилевого репертуара. Медийные нарративы обязаны быть фактуальными, как и научные. Это их онтологический признак и онтическая телеология. Нарратив в МТ, тяготея к документализму, использует стилистику ХТ как рычаг дополнительной образности и экспрессивности, а не как самоцельную стратегию. Отбор новостей – вот самоочевидный пример фермента субъективного стиля наррации СМИ. Но это стиль работы редакций и хозяев медиабизнеса. Нас, естественно, интересовал стиль авторов, тоже субъективный, но чаще более реалистичный и правдивый, чем стиль общения в медиаиндустрии.

2. Язык МТ сегодня оказывается, как правило, либо предметом рассмотрения чистой лингвистики, в частности, лингвостилистики, либо поводом для рассмотрения стиля сугубо как рычага выразительности при передаче идей, поводом для сторонников «содержанности» оправдать редуцирование и сведение разговора о форме МТ к методикам системности при очень скромной роли органики целого. Вот с этим последним подходом, думается, нельзя соглашаться. Упрощение вопроса о целостности МТ и его «организменной» природе всё чаще воспринимается как малозначительный момент при анализе социальной проблематики. А это то малое отклонение траектории анализа, которое дает большую промашку в результате. Эстетическое своеобразие МТ и МД во многом определяет успех коммуникации и её эффект.

Публицист Дж. Барнс является одним из создателей иронического образа нарратора-хроникера, ядовитого критика политической повседневности.

Дональд Рейфилд, также широко использующий иронические игровые приемы, чаще отдаёт предпочтение бытовой магистрали в структуре наррации, сардонический голос рассказчика и снижение пафоса традиционных ценностных деклараций в его эссе демонстрируют достижения стиля, базирующегося на голосовой полифонии автора и его героев, на тонкой наблюдательности автора, на умении увидеть в заурядном коммуницировании соотечественников, в деталях быта рядовых граждан символическую репрезентацию исторических перемен.

3. Голос автора-демиурга в МТ более жестко, чем в ХТ, определяет границу эстетического дискурса. В то же время иронию в ПТ создает не только автор, но и потребитель, который может совершенно не доверять автору, что в ХТ встречается гораздо реже. В рассмотренных МТ преобладает диалог-спор, в ХТ – привычнее ситуация диалога-согласия. Мы рассмотрели случаи скрытого спора с современниками, что позволило увидеть потенциал постмодернистского способа репрезентации

4. Изучение языка и стиля МТ не может не быть междисциплинарным, но одновременно методологические штудии должны опираться на понимание смысла отдельных текстов и медийных дискурсов в зависимости от интересов каждого цеха, причем аналитики МТ должны видеть в самых трафаретных и далеких от эстетических «красот» газетных сообщениях повод для разговора о художественной эффективности медийных сообщений и самых простых репортерских статей. Перспективой дальнейшей работы может служить мысль о пределах сложности построений создателей ПТ, особенно в аналитическом и художественном срезе медийных дискурсов, с одной стороны, и познавательных границ, интенций, возможностей новых герменевтических схем его интерпретаторов, с другой. Здесь, думается, аналитика должна чаще приводить нас к генерализациям философско-эстетического порядка, к методикам нестандартного и нетрадиционного анализа, сближающим категории «медийность» и «художественность». Актуально движение научной мысли к методикам, которые соединяют строгий позитивистский эмпиризм и научное «вчувствование» в текст.

Список источников

1. Барнс Д. 2008. Письма из Лондона. Пер. Л. Данилкина. М., АСТ, АСТ М., ХРАНИТЕЛЬ, 444 с. (Barnes J. 1995. Letters from London 1990–1995. L., Picador, 368 p.)
2. Барнс Дж. 2005. История мира в 10 ½ главах. Пер. В.В. Бабкова. Под ред. Е.А. Лазарева. М., АСТ, ЛЮКС, 352 с. (Barnes J. 1989. A History of the World in 10 1/2 chapter's. London, Jonathan Cape.)
3. Маркс К., Энгельс Ф. 1955–1974. Сочинения, тома 1–39. Издание второе. Т. 1. М., Издательство политической литературы, 537 с.
4. Рейфилд Д. 1994. Заметки об Англии. Иностранная литература, 6: 229–238.

Список литературы

1. Вартанова Е.Л. 2019. Представления аудитории о СМИ: к вопросу о теоретическом осмыслении. *МедиаАльманах*, 4 (93): 8–19.
2. Добросклонская Т. 2005. Медiateкст: теория и методы изучения. *Вестник Моск. Унта. Сер.10. Журналистика*, 2: 28–35.
3. Землянова Л. М. 2012. *Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке*. М., МедиаМир, 188 с.
4. Казак М.Ю. 2010. Медiateкст как открытый тип текста. В кн.: *Стилистика сегодня и завтра: медiateкст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. Доклады Международной научной конференции ф-та журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 27–29 октября 2010 года*. М.: 87–93.
5. Кожемякин Е.А. 2018. Медиадискурс в фокусе социального конструктивизма: эпистемические практики в медиасообществах. В кн.: *Медийный текст: социальные практики, технологии, теории*. Под ред. А.В. Полонского, М.Ю. Казак. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 158–200.
6. Лосев А.Ф. 1977. Материалы для построения современной теории художественного стиля. В кн. *Контекст-75. Литературно-теоретические исследования*. Под ред. Н.К. Гей, А.С. Мясникова, П. В. Палиевского, Я.Е. Эльсберга. М., Наука: 211–240.
7. Полонский А.В. 2011. Дискурс: социально-когнитивная морфология коммуникации. *Global Media Journal*. Вып. 1. Т. 2.
8. Полонский А.В. 2018. Дискурс и масс-медиа: когнитивно-коммуникативный опыт культуры. В кн. *Белоедова А.В., Казак М.Ю., Карпенко И.И. и др. Медийный текст: социальные практики, технологии, теории*. Под ред. А.В. Полонского, М.Ю. Казак. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 200–218.
9. Хорольский В.В. 2019. *Зарубежная публицистика в эпоху Постмодерна. Проблемы анализа медийных дискурсов*. Воронеж, Воронежский государственный университет, 110 с.
10. Хорольский В.В., Петрушова В.Е. 2020. Языковая личность Ф.С. Фитцджеральда сквозь призму тропов романа «Ночь нежна». В кн.: *Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Краснодар, 28 марта, 2020 года*. Под ред. З.И. Гурьевой, Л.Г. Аксютенковой, Ю.В. Баклаговой. Краснодар, Кубанский государственный университет: 198–206.
11. Bignell J. 2000. *Postmodern media culture*. Edinburgh University Press, 248 p.
12. Couldry N. 2012. *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*. Polity Press, 242 p.
13. Jucker A.H. 1992. *Social Stylistics. Syntactic Variations in British Newspapers*. Berlin, N.-Y., Mouton de Gruyter, 297 p.
14. McMahon M. 2021. What is Edutainment? URL: <http://www.wisegeek.com/what-is-edutainment.htm> (accessed: 22.01.21).
15. Roussin Ph. 2010. *Genealogies de la narratologie, dualisme des theories du recit. Narratologies contemporaines. Nouvelles approches pour la théorie et l'analyse du récit*. Paris: Éditions des Archives contemporaines. Paris: 45–49.
16. Vuković N. 2001. *Stilističke ideje*. Beograd, Jasen, 297 p.

References

1. Vartanova E.L. 2019. *Predstavleniya auditorii o SMI: k voprosu o teoreticheskom osmyslenii* [Audience perceptions of the media: to the question of theoretical comprehension]. *MediaAlmanah*, 4 (93): 8–19.
2. Dobrosklonskaya T. 2005. *Mediatekst: teoriya i metody izucheniya* [Media text: theory and methods of study]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2: 28–35.
3. Zemlyanova L.M. 2012. *Zhurnalistika i kommunikativistika. Kontseptualizatsiya mediynykh protsessov v sovremennoy zarubezhnoy nauke* [Journalism and communication. Conceptualization of media processes in modern foreign science]. M., Publ. MediaMir, 188 p.
4. Kazak M.Yu. 2010. *Mediatekst kak otkrytyy tip teksta* [Mediatext as open text type]. In: *Stilistika segodnya i zavtra: mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokulturologicheskom*

aspektakh [Stylistics today and tomorrow: media text in pragmatic, rhetorical and linguistic and cultural aspects]. Reports of the International Scientific Conference of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, Moscow, October 27–29, 2010. M.: 87–93.

5. Kozhemyakin E.A. 2018. Mediadiskurs v fokuse sotsial'nogo konstruktivizma: epistemicheskie praktiki v mediasoobshchestvakh [Media discourse in the focus of social constructivism: epistemic practices in media communities]. In: Mediynny tekst: sotsial'nye praktiki, tekhnologii, teorii [Media text: social practices, technologies, theories]. Eds. A.V. Polonsky, M.Yu. Kazak. Belgorod, Publ. ID "Belgorod" NIU "BelGU": 158–200.

6. Losev A.F. 1977. Materialy dlya postroeniya sovremennoy teorii khudozhestvennogo stilya [Materials for the construction of a modern theory of artistic style]. In: Kontekst-75. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya [Context-75. Literary theoretical research]. Eds. N.K. Gey, A.S. Myasnikov, P.V. Palievsky, Ya.E. El'sberg. M., Publ. Nauka: 211–240.

7. Polonskiy A.V. 2011. Diskurs: sotsial'no-kognitivnaya morfologiya kommunikatsii [Discourse: Socio-Cognitive Morphology of Communication]. Global Media Journal. Iss. 1. Vol. 2.

8. Polonskiy A.V. 2018. Diskurs i mass-media: kognitivno-kommunikativnyy opyt kul'tury [Discourse and Mass Media: Cognitive and Communicative Experience of Culture]. In: Beloedova A.V., Kazak M.Yu., Karpenko I.I. i dr. Mediynny tekst: sotsial'nye praktiki, tekhnologii, teorii [Media text: social practices, technologies, theories]. Eds. A.V. Polonsky, M.Yu. Kazak. Belgorod, Publ. ID "Belgorod" NIU "BelGU": 200–218.

9. Khorol'skiy V.V. 2019. Zarubezhnaya publitsistika v epokhu Postmoderna. Problemy analiza mediynnykh diskursov [Foreign journalism in the postmodern era. Problems of analysis of media discourses]. Voronezh, Publ. Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 110 p.

10. Khorol'skiy V.V., Petrushova V.E. 2020. Yazykovaya lichnost' F.S. Fittsdzheral'da skvoz' prizmu tropov romana «Noch' nezna» [The linguistic personality of F.S. Fitzgerald through the prism of the tropes of Tender is the Night.]. In: Aktual'nye aspekty lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii [Actual aspects of linguistics, linguodidactics and intercultural communication]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, March 28, 2020. Eds. Z.I. Gur'eva, L.G. Aksyutenkova, Yu.V. Baklagova. Krasnodar, Publ. Kubanskiy gosudarstvennyy universitet: 198–206.

11. Bignell J. 2000. Postmodern media culture. Edinburgh University Press, 248 p.

12. Couldry N. 2012. Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice. Polity Press, 242 p.

13. Jucker A.H. 1992. Social Stylistics. Syntactic Variations in British Newspapers. Berlin, N.-Y., Mouton de Gruyter, 297 p.

14. McMahon M. 2021. What is Edutainment? URL: <http://www.wisegEEK.com/what-is-edutainment.htm> (accessed: 22.01.21).

15. Roussin Ph. 2010. Genealogies de la narratologie, dualisme des theories du recit. Narratologies contemporaines. Nouvelles approches pour la theorie et l'analyse du recit. Paris: Éditions des Archives contemporaines. Paris: 45–49.

16. Vukovic N. 2001. Stilističke ideje [Stylistic Ideas]. Belgrade, Publ. Jasen, 297 p. (in Serbian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хорольский Виктор Васильевич, профессор кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Khorolsky, Professor of the Department of Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Voronezh State University, Voronezh, Russia